

Иванов Александр Павлович

М.А. Врубель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Павлович И.**
М.А. Врубель / Иванов Александр Павлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 141 с.

ISBN 978-5-519-86542-5

ISBN 978-5-519-86542-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ВРУБЕЛЬ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ С С С С С С С С С С

I.

ТЕЦЪ художника Александръ Михайловичъ Врубель, офицеръ русской службы, былъ происхожденіемъ польскъ, по данію обручель и сохранилъ мало снзней съ родиною

своихъ предковъ; хотъ былъ католикомъ, но уже почти не помнитъ польскаго языка. Военная служба давала ему не великія средства къ жизни и заставляла его часто переселиться изъ одного города въ другой съ семейю, влелѣдствіи довольно многочисленною. Онъ женился въ сороцѣхъ 50-хъ годовъ на Аннѣ Григорьевнѣ Басаргиной, прирожденной русской, отдаленной родственницѣ декабриста

Басаргина. Въ 1856 г., когда они жили въ Омскѣ, 5 марта у нихъ родился второй ребенокъ и первый сынъ, это былъ Михаилъ Врубель, художественный гений котораго и трагическая судьба такъ поразительны.

Въ младенческомъ возрастѣ онъ былъ очень слабымъ и хрупкимъ. Мать его умерла, когда ему было 3 года. Въ смутныхъ воспоминаніяхъ о ней она представлялась ему уже всегда больной, лежащей въ постели и нехудо вырѣзающей для него и его братьевъ и сестеръ человечковъ, лошадей и разныхъ фантастическихъ фигуры изъ бумаги; у ней былъ художественный даръ. Отецъ, видя, что скоро перевелся въ Астрахань, гдѣ жили родственники покойной жены.

Уже въ двѣнадцатые годы проявился нравъ Врубеля, созерцательный и замкнутый, съ перемежающимися вспышками обычаенно

затаенной пылкости. Онъ не любилъ шумныхъ игръ, и больше всего ему нравилось разсматривать попадавшіяся подъ руку картинки. То были: иллюстрированный Шекспиръ на нѣмецкомъ языкѣ изъ книгъ, оставшихся отъ дѣда, и журналъ „Живописное Обозрѣніе“, наполненный, согласно со вкусами 40-хъ годовъ, рисунками изъ области естествознанія: тамъ особенно поражалъ его изображеніе таинственный „ископаемый человѣкъ съ о. Явы“. Не высокими образцами графики были эти гравюры и иллюстраціи, но изъ нихъ онъ впервые узналъ, что можно переносить на бумагу линии и формы видимыхъ предметовъ и здѣсь подчинять ихъ своей фантазіи; это натолкнуло его на попытки рисовать: онъ пробовалъ, и не безъ успѣха, изображать портреты домашнихъ и смѣшныя сценки изъ интимной жизни семьи. Такъ впервые встрѣтился онъ со своимъ будущимъ искусствомъ.

Много образовъ внѣшняго міра проходятъ въ жизни передъ человѣкомъ, но лишь нѣкоторые изъ нихъ пробуждаютъ въ душѣ тѣ особыя неописуемыя настроенія, которыя являются для нея столь зачѣтными, столь значительными, что, кажется, будто они и родились вмѣстѣ съ нею и только дремали въ ней до срока; съ ними навсегда таинственно срастаются образы внѣшняго міра, ихъ пробудившіе. Изъ этихъ зачѣтныхъ волненій самыя драгоценныя и чудесныя тѣ, что просыпаются въ человѣкѣ въ дѣтскіе годы, потому что душа, еще новая на землѣ, глубже и дѣвственнѣе ощущаетъ таинственность міра, чѣмъ душа взрослая; они всю жизнь сохраняютъ надъ душою смутную власть; въ нихъ истинное начало будущаго міровоззрѣнія человѣка; каждый знаетъ это изъ собственнаго внутренняго опыта; особенно же знаменательны они для того, кому суждено быть художникомъ. Каковы были эти первичныя вѣще ощущенія и образы, выросшіе въ нихъ,

для дѣтства Врубеля? О нихъ ничего не можетъ сказать біографъ, какъ ни важно ихъ выяснить. Можно лишь гадать, что они, хотя и очень смутное, но уже носили сходство съ музыкой его будущихъ произведеній и были уже запечатлѣны мятежнымъ пафосомъ польской его крови. Его фантазія должна была быть отмѣчена уже въ тѣ годы знаками будущей странности и пеличія. Уже въ дѣтствѣ онъ долженъ былъ обладать духовной глубиной и утонченностью. Эти два послѣднихъ свойства, вѣроятно, были наследіемъ его даровитой матери; изъ нихъ рождались послѣдствіи напряженнаго исканія и дерзостныя достиженія его творчества; но вмѣстѣ съ ними онъ унаслѣдовалъ отъ нея и психическую хрупкость, которая часто бываетъ роковой спутницей чрезмѣрной утонченности. Судьба его души похожа на судьбу „Дома Эпировъ“ у Эдгара По, родового жилища благороднаго и страннаго владѣльца. И если бы можно было заглянуть въ дѣтскій внутренній міръ Врубеля, можно было бы ужъ и тогда разглядѣть тамъ зловѣщую древнюю трещину, отъ которой обрушился этотъ прекрасный Домъ, погибъ духъ, чрезмѣрно глубокій и утонченный.

Черезъ четыре года послѣ того, какъ умерла мать Врубеля, отецъ женился вторично и переселился съ семьей въ Петербургъ. Онъ былъ жизнерадостный и дѣятельный человѣкъ, очень любилъ дѣтей и заботился объ ихъ воспитаніи. Онъ обладалъ художественнымъ чутьемъ и любилъ искусство, особенно музыку. Зачѣтныя способности въ 7-ми лѣтъ-немъ сынкѣ, онъ самъ сталъ подитъ его въ рисовальную школу при Обществѣ Поощренія Художествъ, находившуюся тогда близъ Биржи. Занятія въ школѣ состояли, главнымъ образомъ, въ срисовываніи головъ и фигуръ съ эстамповъ; здѣсь Врубель узналъ начальныя основы рисовальной техники. Однако, въ

Петербургъ они прожили недолго, меньше года; отецъ скоро получилъ назначеніе въ Саратовъ. Переѣздъ туда былъ третьимъ большимъ путешествіемъ Врубеля въ его дѣтствѣ; переѣзды въ то время совершались медленно, на лошадаяхъ; и величіе природы, видѣнной какъ сквозь сонъ, должно было оставить смутное, но неизгладимое впечатлѣніе въ дѣтской душѣ того, кому суждено было стать впоследствии великимъ художникомъ.

Теперь Врубель и старшая сестра его были уже въ школьномъ возрастѣ, но отецъ не довѣрялъ провинціальной школѣ и бралъ для нихъ домашнихъ преподавателей. Объ одномъ изъ нихъ, Песковѣ, жившемъ въ ссылкѣ въ Саратовѣ, Врубель навсегда сохранилъ благодарную память. Это былъ привлекательный челоуѣкъ и чуткій педагогъ; онъ зналъ, что нужно юному уму, и на урокахъ среди занятій предметами, часто сухими для дѣтей, умѣлъ оживить ихъ вниманіе своими увлекательными разсказами и чтеніемъ вслухъ,—этимъ будилось ихъ воображеніе и расширялся кругозоръ. Для Врубеля былъ нанятъ также учитель рисованія, подѣ руководствомъ котораго онъ срисовывалъ съ натуры различныя геометрическія фигуры. Въ то время онъ очень увлекался рисованіемъ и, повидимому, уже обладалъ значительнымъ техническимъ умѣньемъ. Родные помнятъ объ одной картинкѣ, привезенной однажды въ Саратовъ на выставку, изображавшей „Страшный Судъ“; картина была, вѣроятно, плохая, но на наивное его воображеніе она произвела свое дѣйствіе, и дома онъ нарисовалъ этотъ Страшный Судъ, причѣмъ сумѣлъ вспомнить и изобразить всѣ многочисленныя фигуры, бывшія на оригиналѣ. Онъ былъ тихимъ и замкнутымъ въ себѣ мальчикомъ, и въ немъ лишь изрѣдка проявлялась обычная у дѣтей шумливая рѣзвость. Игры и развлеченія сверстниковъ его мало занимали, только одно

было исключеніемъ: домашній театръ. Здѣсь онъ оживлялся и становился во главѣ всѣхъ; особенно увлекало его при этомъ приготовленіе костюмовъ и декораций.

Затѣмъ слѣдовали школьные годы, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Одессѣ. По семейнымъ причинамъ отецъ рѣшилъ бросить строевую службу и въ 1807 г. переселился съ семьей въ Петербургъ, чтобы здѣсь пройти курсъ Военно-Юридической Академіи. Врубель поступилъ въ гимназію, прямо во 2-й классъ; это была 5-я гимназія, что у Аларчина моста. Ученіе давалось ему легко, однако скорѣе благодаря его способностямъ, чѣмъ—трудолюбію. У него было дарованіе къ языкамъ; онъ очень любилъ естественную исторію, но питалъ отвращеніе къ математикѣ. Въ Петербургѣ онъ снова сталъ ходить по воскресеньямъ въ рисовальную школу. У одного изъ родственниковъ мачехи, Н. Х. Вессели, было большое собраніе гравюръ и рисунковъ. Врубель часто бывалъ въ этомъ домѣ и проводилъ незамѣтно цѣлыя часы, поглощенный разсматриваніемъ ихъ. Также съ увлеченіемъ онъ ходилъ въ Эрмитажъ, и много завѣтнаго и знаменательнаго на всю жизнь должны были пробудить въ отроческой душѣ будущаго художника эти залы и безчисленныя произведенія искусства. Дома по вечерамъ мачеха его часто играла на фортепiano; благодаря ей, Врубель рано узналъ классическую музыку; музыка на всю жизнь осталась для него глубокой потребностью.

По окончаніи двухлѣтняго курса въ Академіи отецъ былъ назначенъ по службѣ въ Одессу; здѣсь Врубель доканчивалъ свои гимназическіе годы. Съ переѣздомъ сюда уроки рисованія прекратились; къ рисованію онъ понемногу сталъ охладѣвать и скоро совсѣмъ его забросилъ на долгое время. Теперь, по мѣрѣ его духовнаго роста, все болѣе и болѣе захватывали его вниманіе—книги, буди

из души все более заповедная настроенія съ затопуившимъ изъ нихъ образами. Онъ жадно читалъ Купера, Жюль-Верна, потомъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Вальтера-Скотта. Ноадѣе стали привлекать его и исторія; онъ настолько зналъ по французски, что еще изъ гимназій могъ читать въ подлинникъ такіа сочиненія, какъ „Мирондети“ Ламартина. Любви къ поэзіи и исторіи сохранилась въ немъ, какъ одна изъ основныхъ его чертъ, на всю жизнь; и въ эти юные годы, проведенные въ Одессѣ, онъ воспринялъ первые начатки своего будущаго широкаго образованія, что свидетельствуетъ, между прочимъ, о высокомъ культурномъ развитіи семьи, въ которой онъ выросъ.

Онъ былъ искренне приваанъ къ своей семьѣ; очень любить отца и матеку, и особенно старшую сестру, живущую тогда въ Петербургѣ, съ которою онъ велъ дружескую переписку. Съ годами во Врубелѣ стало обнаруживаться еще одно важное свойство его будущаго арлянаго обина: етветсости, всегда такъ странно сочетавшаяся въ немъ съ глубокой внутренней жизнью. Онъ рано усвоить тѣ нѣнцество и воспитанность, которые прежде всего встрѣчались въ немъ люди, знавшие Врубеля въ арляномъ его возрастѣ. Въ концѣ нкольных своихъ лѣтъ онъ полюбилъ общество и часто бывалъ у многочисленныхъ одесскихъ знакомыхъ; въ обществѣ онъ умѣлъ быть веселымъ и остроумнымъ. Но сестрѣтву съ Врубелями одно время жили артисты французской драматической труппы, гостившей въ Одессѣ. Молодой Врубель, наивно преклонившійся передъ всѣмъ французскимъ, былъ въ восхищеніи, когда ему удалось познакомиться и близко сойтись съ этими людьми, бывшими для него образцомъ нѣнцества и къ тому же, какъ казалось ему, „большими знатоками искусства“. Онъ съ увлеченіемъ проводилъ время въ ихъ обще-

ствѣ и усердно посѣщалъ французскій театръ, любви къ которому сохранилась у него навсегда. Благодаря этому знакомству, онъ въ тоицествахъ успѣлъ французскій языкъ, знаніе котораго, нондному, было его гордостью и нѣнцетвемъ.

Однако, основные черты его нравственной природы не нѣмѣнились съ дѣтствомъ: онъ только развивался и опредѣлялся иетвеніемъ. Въ немъ непрежнему жилось созерцательное и замкнутое раздумье, свойство, нѣнцетвѣнное отъ матери. Но иногда перемежающимися приливами проявлялась и пылкость его нрава, какъ бы затаспанная въ обычное время, нѣнцетвѣе жинного и дѣятельнаго отца. Родные помнили нѣсколько романтическихъ его увлеченій въ тѣ годы, конечно, ребяческихъ и мимолетныхъ. Вспышки порывистости и веселья смѣнялись обычнымъ созерцательнымъ затишьемъ; онъ уходилъ въ себя, сосредоточивался въ какихъ то мечтахъ и думахъ и подолгу молчалъ. Порою онъ какъ бы переставалъ обращать ннзаніе на окружающее, даже на то, что еще недавно сильно его увлекало. Отецъ не любилъ въ немъ этихъ минутъ и говаривалъ тогда: „онъ въ тѣ ннцеты въ свое оцѣненіе!“ Но, быть можетъ, нное знаменательное для будущаго его творчества безсознательно зарождалось именно въ эти минуты.

Послѣдній годъ жизни въ Одессѣ Врубель снова возвратился къ нѣнцетому ннцетанію, онъ сталъ рисовать портреты сестеръ и братьевъ. Знакомство съ французскими артистами тоже побудило его ннцетать свое увлеченіе: по ихъ просьбѣ онъ дѣлалъ наброски перомъ, изображавшіе нѣкоторыхъ изъ нихъ во время ннцетанія ннцеты. Среди знакомыхъ отца былъ нѣкто Климентко, человекъ очень образованный и много ннцетавшій; онъ подолгу толковалъ объ искусствѣ съ молодымъ Врубелемъ и ннцеталъ

Автопортретъ 1882 г.
Акварель.

Собств. Н. И. Врубель.

М. А. Врубель

Собств. Н. И. Врубель.

АВТОПОРТРЕТЪ
(1880г.)

